

М. Ю. Урнов

Освобождаясь от авторитаризма

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Urnov_1991_1.pdf

ОСВОБОЖДАЯСЬ ОТ АВТОРИТАРИЗМА (Исследование политического сознания народных депутатов России)

М. Ю. Урнов

The author sums up the results of the sociological study of the political orientations of people's deputies of the Russian Federation, held in June 1990. These orientations were evaluated according to three criteria: the right — the left; authoritarianism—democracy; and plebiscitarian democracy—predisposition to / estrangement from. 466 deputies were polled, which is 44 per cent of the total number. The poll showed that the political mentality of a great part of MPs was still at the formative stage. The author describes the predominant political views of the MPs as "slightly right of the centre". He goes on to state the attitudes of the deputies to the key economic, social, ethical and other problems this country faces. The influence of "imperial ideology" is very insignificant. The controversial issue of the attitude to the October 1917 revolution plays the role of a

splitting factor. The author singles out three sufficiently homogeneous groups in terms of their political self-identification: the deputies who support Communists alone or Communists and some other parties — 41 per cent; deputies with an exclusively social-democratic orientation, or supporting social democrats plus some other parties except Communists — 36 per cent; deputies who support any parties except Communists or social democrats or those who still have no party orientation—23 per cent. Those belonging to the party/state nomenclatura make up the core of the "communist" group, intellectuals play the same role among the "social democrats". The author believes that political mentality of Russia's deputies will evolve towards the right, with the growing importance of the "social democrats" and the diminishing role of the "communists".

Вряд ли нужно специально доказывать, что эффективность демократии во многом зависит от того, насколько хорошо власть и общество знают друг друга. К сожалению, у нас в стране это знакомство имеет пока еще несколько однобокий характер. Общественное мнение в последнее время анализируется довольно интенсивно. Что же касается социологического изучения представителей власти, то оно, как мне кажется, еще явно недостаточно. Хочется надеяться, что предлагаемое исследование политического

УРНОВ Марк Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИМРД АН СССР.

сознания народных депутатов Российской Федерации* хотя бы немного поможет сгладить эту диспропорцию.

* * *

Опросник, с помощью которого проводилось исследование, был ориентирован на сбор информации, позволявшей оценивать политическое сознание по трем следующим шкалам: «правые» — «левые»; «авторитарность» — «демократичность»; «плебисцитарная демократия: склонность/несклонность».

Полный список показателей, включенных в опросник, таков.

Шкала «правые» — «левые». Моральная ответственность за поступки человека: сам человек/общество. Социальное неравенство: естественность/неестественность. Система социальных гарантий: селективная/всеохватывающая. Частное предпринимательство/государственная экономика. Конкуренция/сотрудничество. Нормативный проект «общества будущего»: ненужность/нужность («утопизм» — по К. Маннгейму). Производство/распределение: акцент в политике.

Шкала «авторитарность» — «демократичность». Иерархичность в трудовых отношениях. Иерархичность в семейных отношениях. Стабильность/риск: что предпочтительнее. Единство/многообразие (конкуренция) в политике: что предпочтительнее. Любовь к Родине/любовь к справедливости: что выше («патриотизм» — по Э. Фромму). Великая держава/демократия: что предпочтительнее.

Шкала «плебисцитарная демократия: склонность/несклонность»**. Потребность в сильном лидере/потребность в демократическом контроле за властью. Чуждость/нечуждость обыденности. Неприятие/принятие нейтральности («третьей» позиции) в политике. Чуждость/нечуждость формальным правилам, процедурам. Поддержка/отрицание уравнительности.

Дополнительные и уточняющие показатели. Удовлетворенность собственной жизнью. Ожесточенность. Доверие к людям. Умеренность/радикализм. Предпочитаемые моральные парадигмы (общечеловеческая мораль, национальное самосознание, нравственность времен Великой Отечественной войны, религиозная нравственность). Политическая самоидентификация. Отношение к Октябрьской революции. Отношение к привлечению в страну иностранного капитала. Социально-демографические характеристики.

* Это исследование и упоминаемый в дальнейшем опрос делегатов I Съезда шахтеров в Донецке финансировались кооперативом «Контингент». Проект входил в программу научных работ Межинститутской группы ретроспективной и сравнительной политологии «Полития».

** Строго говоря, авторитарность и склонность к плебисцитарной демократии являются не столько независимыми, сколько взаимодополняющими характеристиками сознания. Некоторые аспекты этих характеристик находятся в тесной логической связи. Другие вполне могут принадлежать одновременно обеим характеристикам. И все же выделение «авторитарности» и «склонности к плебисцитарной демократии» в самостоятельные характеристики политического сознания представляется мне оправданным. В самом деле, взятые порознь и вместе, эти характеристики (в том виде, в каком они здесь описаны) отражают три различных типа сознания. Так, «склонность к плебисцитарной демократии» представляет собой вполне узнаваемый синдром, свойственный сознанию революционных групп, находящихся на романтическом этапе своего становления. Соединение «склонности к плебисцитарной демократии» и «авторитарности» дает сознание, адекватное тоталитарному строю, вплотную приблизившемуся к своему зениту, но еще не успевшему рутинизироваться. И, наконец, «авторитарность», не подкрепленная «склонностью к плебисцитарной демократии», достаточно хорошо описывает сознание, типичное для рутинизированной, постепенно вырождающейся тоталитарной системы.

Подавляющее большинство показателей представлены парами противоположных по смыслу высказываний. Опрашиваемому предлагалось выразить свое полное или частичное согласие или несогласие с каждым из «парных» утверждений, разнесенных в опроснике как можно дальше друг от друга. Такая группировка высказываний дает возможность определить важный показатель зрелости группового сознания — удельный вес противоречивых ответов (одновременное согласие с взаимоисключающими утверждениями).

Опрос проводился 16—19 июня 1990 г., т. е. в последнюю неделю работы I Съезда народных депутатов РСФСР. Всего было опрошено 466 человек, что составляет 44 % общего числа парламентариев или немногим более половины от среднего количества депутатов, принимавших участие в голосовании на Съезде.

Структура выборки. Пол: мужчины — 95%; женщины — 5 %. Возраст: 30 лет и моложе — 5 %; 31—40 лет — 25; 41—50 лет — 39; 51—60 лет — 29; 61 год и старше — 1 %. Образование: среднее общее и специальное — 6 %; незаконченное высшее — 6 %; высшее — 88 %. Социально-профессиональный состав (в скобках — данные по депутатскому корпусу в целом*): промышленные и сельскохозяйственные рабочие, техники, лаборанты, мастера — 7 % (6%); служащие, ИТР — 10 (6); хозяйственные руководители (т. е. руководители предприятий, учреждений, колхозов, совхозов) — 27 (31); интеллигенция (т. е. научные работники, художественная интеллигенция, преподаватели, врачи, адвокаты, журналисты) — 29 (15); военные и работница правоохранительных органов — 10 (8); партийно-государственная номенклатура (т. е. руководящие работники партийных и профсоюзных органов, исполкомов, министерств) — 14 % (23).

Как видно из приведенных цифр, социально-профессиональная структура выборки существенно отличается от социально-профессиональной структуры депутатского корпуса только по удельным весам интеллигенции и партийно-государственной номенклатуры. Эти различия, однако, практически не повлияли на среднегрупповые показатели опроса. Расчетные данные, вычисленные путем соответствующих искажений выборки, по существу не отличаются от реально полученных в опросе характеристик.

Опрос показал, что политическое сознание значительной части опрошенных народных депутатов России, по крайней мере на момент проведения исследования, было *скорее формирующимся, чем сформированным*. Об этом, в частности, можно судить по достаточно большой доле противоречивых и несодержательных («не знаю») ответов на вопросы анкеты. В среднем по 22 позициям, по которым техника опроса позволяла фиксировать противоречивость высказываний респондентов, удельный вес противоречивых ответов составил 38 % и несодержательных ответов — 11 %. В восьми из этих 22 случаев доля противоречивых и несодержательных ответов превысила половину, а еще в семи случаях была примерно равна или больше величины «нетто-баланса» противоположных мнений по соответствующей проблеме**.

* Рассчитано по данным А. Назимовой и В. Шейниса (1, № 17).

** Поясню последнее на примере. Говоря о том, чему следует отдавать приоритет — сегодняшним (текущим) интересам или интересам будущего, 36 % депутатов высказались за сегодняшние интересы и 20 % — за будущие. «Нетто-баланс», таким образом, был равен 16% в пользу текущих интересов. Между тем доля противоречивых ответов составила 35 % и несодержательных ответов — 9%, всего — 44%. В подобной ситуации ориентацию группы правомерно считать неустойчивой, т. е. перспектива ее сохранения в решающей мере зависит от позиций, которую займут еще не определившиеся респонденты.

О том, что политическое сознание депутатского корпуса на момент проведения исследования находилось в переходном состоянии, в начале пути освобождения «из-под глыб» авторитаризма, свидетельствуют и показатели, полученные по шкалам «авторитарность» — «демократичность» и «плебисцитарная демократия: склонность / несклонность». По первой шкале удельные веса непротиворечивых ответов авторитарного и демократического типа были примерно одинаково невелики — соответственно 22 и 26 %; остальные 52 % ответов были либо противоречивыми (41 %), либо несодержательными (И %). Практически такой же была картина по второй шкале: удельный вес ответов, свидетельствующих о склонности к плебисцитарной демократии, равнялся 21 %; доля ответов, характеризующих ее неприемлемость, составляла 25 %; доля противоречивых ответов — 49 и несодержательных — 5 %.

Твердое большинство голосов среди опрошенных парламентариев собрали только три позиции: естественность социального неравенства (за — 64 %, против — 10, противоречивых ответов — 22, несодержательных — 4 %); конкуренция как основа здоровой экономики (58 %, 5, 32 и 6 %); требование уважать родителей независимо от того, «хорошие они или плохие, ошибаются или нет» (58 %, 16, 20 и 6 %).

Если попытаться кратко охарактеризовать содержание политических взглядов, преобладающих — хотя и неустойчиво — в депутатском корпусе, то их, по-видимому, правильнее всего было бы назвать *позицией «несколько правее центра»* (разумеется, в международном смысле этого понятия). В обобщенной форме это видно по показателям шкалы «правые» — «левые». В среднем по всем относящимся к ней проблемам доля ответов правого толка была равна 39 % по сравнению с 16 % ответов левого характера; доля противоречивых ответов — 39 и несодержательных ответов — 6 %.

В *экономической области* депутаты склонялись к тому, что отечественное народное хозяйство должно быть построено на тех же принципах, что и в развитых странах Запада: конкуренция, частная инициатива, открытость. Мнение о том, что конкуренция представляет собой основу здоровой экономики, разделили, как было сказано выше, 58 % депутатов, тогда как с утверждением, что «сотрудничество и кооперация скорее, чем конкуренция, являются основой здоровой экономики» согласились лишь 5 %. Для сравнения скажу, что у опрошенных по той же методике делегатов I Съезда шахтеров (г. Донецк, июнь 1990; N-101) соотношение голосов было примерно таким же: 54 % — за конкуренцию и 1 % — за сотрудничество и кооперацию; остальные 45 % ответов — противоречивые или несодержательные.

53 % депутатов заявили о необходимости «всемерно поощрять частное предпринимательство». Противоположного мнения «необходимо всячески поддерживать государственный сектор в экономике») придерживалось только 14 %. (У делегатов шахтерского съезда за всемерную поддержку государственного сектора — 4 % респондентов*.

К вопросам о конкуренции и частном предпринимательстве логически примыкает не включенный в основные шкалы вопрос об отношении к привлечению в страну иностранного капитала. Отвечая на него, 52 % депутатов

* Среди населения РСФСР поддержка конкуренции и частного предпринимательства в этот же период была заметно слабее. Согласно опросу ВЦИОМ (май 1990 г., N=1517), доля сторонников ничем не ограниченного перехода к рыночной экономике, необходимым элементом которой является конкуренция, составила 28 %, а удельный вес сторонников планового хозяйства был равен 31 %. Доля считающих, что частные, акционерные и кооперативные предприятия должны составлять основную массу предприятий страны, равнялась соответственно 7 %, 9 и 4 %, тогда как доля полагающих, что ведущим сектором хозяйства должен быть государственный сектор, была равна 31—35 % (1, № 21).

заявили, что «для развития нашей экономики нужно как можно шире привлекать иностранный капитал». Удельный вес придерживающихся мнения, что «широко открывать двери в нашу страну иностранному капиталу не следует», был более чем в два раза ниже — 21 %. У шахтеров соответствующие показатели равны 45 % и 19 %.

Позиции депутатов по *социальным вопросам* выражены менее четко, чем в области экономики. Однако и здесь они были в целом скорее правые, чем левые. Как уже говорилось, с идеей социального неравенства согласились 64 % парламентариев, а против нее высказались только 10 %. Доля выступающих за сильную дифференциацию доходов равнялась 37 %, против — 4 %. (У шахтеров голоса по этим двум проблемам распределились сходным образом: признающие естественность социального неравенства — 51 %; считающие его неестественным — 10; сторонники сильной дифференциации доходов — 37 %; приверженцы уравнительности — 7 %.)

Доля сторонников «распределительной философии» (акцент в политике на распределении, а не на эффективности производства) составила среди депутатов всего 11%, тогда как удельный вес их оппонентов, утверждающих, что «сначала нужно думать об эффективности производства, а уже потом о распределении», был равен 41 %. (У шахтеров точка зрения на эту проблему еще не сложилась. На последовательных сторонников и противников распределительной философии здесь приходилось соответственно лишь 16 % и 19%, остальные 65% дали противоречивые или несодержательные ответы.)

Позиция депутатского корпуса в вопросе о том, какой должна быть система социальных гарантий — селективной или всеохватывающей, на момент проведения исследования практически еще не сформировалась: 23 % парламентариев полагали, что «государство должно заботиться только о тех, кто действительно не может работать»; 19 считали, что «государство должно заботиться обо всех, кто сталкивается с материальными трудностями»; 58 % дали противоречивые или несодержательные ответы. (Среди шахтеров заметно большей популярностью пользовалась всеохватывающая система социальных гарантий, получившая 35 % голосов; за селективную систему здесь высказались всего 6; 59 % опрошенных дали противоречивые или несодержательные ответы.)

Единственной «левой» позицией, занятой народными избранниками, была позиция в отношении моральной ответственности за поступки человека. Мнение, что «в пороках человека в большинстве случаев виноват не он сам, а общество, социальные условия, в которых он живет», поддержали 51 % депутатов. Противоположную точку зрения, согласно которой «в пороках человека в большинстве случаев виновато не общество, а он сам», разделили только 23 % респондентов. У делегатов шахтерского съезда «левая» точка зрения в этом вопросе также оказалась преобладающей: 68 % заявили, что в пороках человека виновато общество, и только 9 % — что человек сам виноват в своих пороках. Наблюдаемый в обеих опрошенных группах «выброс» влево вряд ли случаен и отражает, скорее всего, доминирующее сегодня в обществе недовольство социальной системой.

Замечу попутно, что наличие этого недовольства сказалось еще на одном показателе, а именно: на соотношении голосов, поданных в поддержку применения смертной казни за преступления политического характера и за уголовные преступления против личности. Среди депутатов доля сторонников смертной казни за покушение на жизнь главы государства была равна 33 %, а за государственную измену, шпионаж в мирное время — 30; в среднем по этим двум преступлениям — 32 %. Удельный вес считающих, что смертную казнь следует применять за убийство при отягчающих обстоя-

тельствах, составил 87 % и за изнасилование несовершеннолетней — 77; в среднем за оба преступления — 82 %*.

Таким образом, в депутатском корпусе сторонники смертной казни за политически окрашенные преступления встречались в 2,6 раза реже сторонников смертной казни за преступления против личности. При этом среди депутатов, наиболее лояльных к нынешней общественно-политической системе, этот показатель снижался до 1,9, а среди наиболее радикально настроенных депутатов возрастал до 3,8. У шахтеров, известных своей крайней оппозиционностью к существующей общественно-политической системе, он был равен 4,5. Между тем в США в середине 80-х годов число сторонников смертной казни за политические преступления далеко не так сильно отличалось от числа сторонников этого наказания за преступления против личности: рассматриваемый показатель так был равен 1,1 для общенациональной выборки и 1,3 — для респондентов, имеющих высшее образование**.

Существенно важной характеристикой политического сознания депутатского корпуса России является *крайняя слабость в нем имперской идеологии*. Об этом можно судить по позициям, занятым парламентариями в отношении проблем «любовь к Родине / любовь к справедливости» и «великая держава / демократия». По первой из этих проблем мнения депутатов распределились так. Высказывание «Человек, одобряющий захват чужих территорий, все же лучше того, кто заявляет, что он не любит свою Родину» поддержало всего 8 % опрошенных. С противоположной точкой зрения — «Лучше уж не любить свою Родину, чем поддерживать захватническую войну» — согласилось 44 %. Удельный вес противоречивых ответов был равен 5 %, несодержательных ответов — 43 %***.

По второй проблеме соотношение ответов было следующим. Мнение, что «любые преобразования в стране следует проводить в той мере, в какой они не ослабляют нашего положения в качестве великой державы», разделили 16 % опрошенных. 48 % заявили, что «если роль сверхдержавы будет мешать развитию в нашей стране демократии, то нам следует отказаться от этой роли». Удельный вес противоречивых ответов — 25 %, несодержательных — 7 %.

Взятые в совокупности, позиции по этим двум вопросам, по-видимому, достаточно хорошо характеризуют наличие (или отсутствие) у исследуемой группы депутатов, которые одновременно предпочли патриотизм справедливости и великодержавность — демокра-

* Такой уровень поддержки смертной казни за преступления против личности, судя по всему, либо тождественен, либо чуть выше уровня, характерного для населения страны в целом. Например, в одном из опросов ВЦИОМ (декабрь 1989 г.; N=2696) удельный вес сторонников смертной казни за убийство составил 70 % (2, № 11).

** Опрос проводился в ноябре 1985 г.; N=1008, в т. ч. 259 — с высшим образованием. Доля поддержавших применение смертной казни за убийство составила здесь 75 % общенациональной выборки и 69 % у лиц с высшим образованием; за изнасилование — соответственно 43 и 37; за покушение на жизнь Президента — 57 и 45; за государственную измену, шпионаж в мирное время — 48 и 38 % (3).

*** По числу несодержательных ответов проблема «любовь к Родине / любовь к справедливости» занимает первое место среди всех включенных в анкету проблем. Она же лидирует по количеству комментариев, оставленных опрошенными на полях анкеты. В большинстве случаев в этих комментариях выражается негативное отношение респондентов к предложению высказать свое согласие или несогласие с утверждением «Лучше уж не любить свою Родину, чем поддерживать захватническую войну». Как показал анализ анкет респондентов, ушедших от содержательной оценки этой фразы, такая позиция не имеет принципиального влияния на взгляды по другим имеющимся в анкете проблемам. В большинстве случаев мнения этих респондентов практически тождественны взглядам тех, кто поддержку захватнической войны считает большим грехом, чем нелюбовь к Родине.

тии, составила лишь 4 %. Удельный же вес имеющих прямо противоположную точку зрения (справедливость выше патриотизма, а ценность демократии значимее ценности великой державы) равнялся 26 %. Не будет, наверное, ошибкой считать, что эти две цифры более или менее точно соответствуют удельным весам подгрупп с последовательно имперским и последовательно антиимперским сознанием. У делегатов I Съезда шахтеров слабость имперского сознания была выражена еще более отчетливо. В частности, доля ставящих справедливость выше патриотизма равнялась у них 57 %, а доля тех, кто стоит на противоположной позиции, — 6%; удельный вес предпочитающих демократию великодержавности составил 59 % по сравнению с 5 % полагающих, что «быть супердержавой важнее, чем быть демократической страной». Доля носителей последовательной имперской идеологии у шахтеров была равна 2 % по сравнению с 46 % обладателей последовательно антиимперского сознания*.

Для выяснения приоритетов *в сфере морали* депутатам предлагалось высказать свое мнение о том, в какой мере преодолению нынешнего морального кризиса нашего общества может способствовать каждая из следующих четырех парадигм: общечеловеческая мораль, национальное самосознание, нравственность времен Великой Отечественной войны, религиозная нравственность.

Абсолютное большинство голосов депутаты отдали общечеловеческой морали (98%) и национальному самосознанию (82%). (У делегатов шахтерского съезда ситуация была аналогичной: за общечеловеческую мораль высказались 95 % и за национальное самосознание — 76 %.) Одновременное принятие респондентами общечеловеческой морали и национальных ценностей, а также крайне слабая распространенность среди них имперской идеологии дают основание полагать, что возрождение национального сознания понимается опрошенными отнюдь не в духе агрессивно-авторитарного национализма. В самом деле, корреляция между положительным отношением к возрождению национального самосознания и имперскими установками у народных депутатов весьма низка.

В альтернативе «демократия / великая держава» демократия получила предпочтение как среди выступающих за возрождение национального самосознания, так и среди тех, кто не считает такое возрождение средством преодоления морального кризиса. Правда, в первой группе это предпочтение выражено довольно неустойчиво (в пользу демократии — 45 %, в пользу великой державы — 18, противоречивых ответов — 30, несодержательных ответов — 7%), а во второй — твердо (70%, 6, 20 и 4%). Что же касается альтернативы «любовь к Родине / любовь к справедливости», то здесь влияние отношения к возрождению национального самосознания не проявилось вообще. И среди положительно, и среди отрицательно оценивающих возможность преодолеть моральный кризис с помощью возрождения национального самосознания доля полагающих, что «лучше уж не любить свою Родину, чем поддерживать захватническую войну», практически одинакова — 43 % и 48 %. Фактически равны и удельные веса занимающих противоположную позицию — 8 % и 6 %.

* Среди населения страны поборники имперских ценностей также находятся в меньшинстве. По мнению специалистов ВЦИОМ, так называемый «державный» тип массового сознания в различных формах оказывает влияние примерно на 20 % населения России (2, № 20). По отдельным проблемам, в которых имперское сознание может себя проявлять, доля его носителей, естественно, колеблется. Однако, судя по опросам, опубликованным в первой половине 1990 г., при столкновении различных аспектов идей демократии и великой державы, последняя ни разу не собирала более 40 % голосов (4* 2, № 2; 5).

Отношение к двум другим парадигмам — «нравственность времен Великой Отечественной войны» и «религиозная нравственность» — раскололо группу опрошенных депутатов на две примерно равные части. Удельный вес считающих каждую из этих парадигм средством, способным обеспечить преодоление морального кризиса общества, оказался одинаков и равнялся 54 %. Примерно равными были и доли противников каждой из них: 35 % в первом случае и 40 % — во втором.

Роль раскалывающего фактора играло в депутатском корпусе и *отношение к Октябрьской революции 1917 года*. 37 % парламентариев оценили Октябрь как великое прогрессивное событие и ровно столько же — как основную причину сегодняшнего упадка нашей страны (противоречивых ответов — 1 %, несодержательных — 25%). Для 37% респондентов Октябрьская революция — это историческая необходимость и для 40 % — историческая случайность (противоречивых ответов — 1 %, несодержательных — 22%). Удельный вес опрошенных, считающих Октябрь великим событием и одновременно исторической неизбежностью, равнялся 32 %. Примерно столько же (29 %) утверждали, что революция была основной причиной упадка страны и при этом исторической случайностью. Таким образом, среди народных депутатов России число сторонников и противников Октября оказалось практически одинаковым.

Среди делегатов шахтерского съезда соотношение голосов было иным. Там доля отрицательно относящихся к Октябрьской революции была явно больше удельного веса относящихся к ней положительно. Удельный вес заявивших, что Октябрь — основная причина упадка страны, составил у шахтеров 65 % по сравнению с 17 % разделивших мнение о нем как о великом прогрессивном событии. Доля полагающих, что Октябрьская революция — историческая случайность, равнялась 55 %, а доля считающих ее исторической неизбежностью — 13 %. Единственное, в чем ответы шахтеров об Октябре оказались весьма схожими с ответами депутатов, — это в крайне небольшом количестве противоречивых ответов (3 %) и в высокой доле несодержательных ответов (15—29%).

Одна из черт политического сознания депутатского корпуса России — практическое отсутствие в нем (на момент проведения опроса) определенности в вопросе о допустимости нейтралитета в политике, т. е. по сути дела, в вопросе о *политической терпимости*. Так, всего 10 % респондентов недвусмысленно заявили, что «не поддерживать какую-либо политическую позицию — это еще не значит ее ослаблять». 17 % столь же недвусмысленно присоединились к противоположному мнению — «в политике нет нейтральных позиций; объективно каждая позиция либо служит прогрессу, либо работает против него». Между тем большинство опрошенных (69 %) согласились одновременно с обоими высказываниями. 4 % ушли от содержательного ответа. Подобная неопределенность служит хорошим индикатором нестабильности «характера» рассматриваемой группы и в определенной мере объясняет те быстрые переходы от всплеск агрессивного максимализма к спокойному, конструктивному поиску консенсуса и обратно, которое весьма часто можно было наблюдать в ходе работы I Съезда народных депутатов РСФСР.

Для выявления *политической самоидентификации* респондентам задавался вопрос: «Какое из ныне существующих политических течений Вы склонны поддерживать? — националистов, консерваторов, христианских демократов, зеленых, либералов, социал-демократов, социалистов, коммунистов; что-либо еще; не знаю». Отвечающие могли выбрать столько вариантов, сколько сочтут нужным.

Распределение ответов получилось следующим: социал-демократы — 45 %; коммунисты — 41; зеленые — 25; либералы — 12; социалисты — 11; христиан-

ские демократы — 7; консерваторы — 1; националисты — 1; «что-либо еще» — 6; «не знаю» — 6%; итого — 155%. Полуторакратное превышение количества ответов на этот вопрос над численностью выборки объясняется тем, что 32 % опрошенных депутатов поддержали более одной партии (в среднем — по три партии каждый). При этом доля высказавшихся одновременно за несколько партий составила: среди поддержавших социал-демократов — 49 %, коммунистов — 37, зеленых — 88, либералов — 75 и христианских демократов — 86%. Примерно 9% от общего числа опрошенных ориентируются одновременно на социал-демократов и на коммунистов, что составляет около одной пятой сторонников каждой из этих партий. Такая «взаимопереплетающаяся» поддержка свидетельствует о *размытости границ* между группами, ориентирующимися на различные партии.

Для уточнения политической самоидентификации депутатам предлагалось также ответить на вопрос, с какой частью политического спектра (правые — левые, умеренные — радикалы) они склонны себя ассоциировать*. Ответы распределились так: правые — 1 %, центристы — 38, левые — 31 (6 % опрошенных причислили себя и к левым, и к центристам одновременно); умеренные — 33, радикалы — 26 (4 % респондентов ассоциируют себя одновременно и с умеренными, и с радикалами); не знаю — 4 %; итого — 133 %.

Выбор респондентами вариантов «левые» или «центристы», а также «радикалы» или «умеренные» тесно коррелировал с их выбором между поддержкой* социал-демократов или коммунистов. Однако характер корреляции противоречил традиционным политологическим классификациям, а именно: «левизна» и «радикальность» были связаны, в основном, с поддержкой социал-демократов, тогда как «центризм» и «умеренность» — с поддержкой коммунистов. В частности, среди «левых» доля ассоциирующих себя с социал-демократами составила 70 %, а с коммунистами — 15 %; у «центристов» эти показатели равнялись соответственно 36 % и 51 %. Доля «радикалов», поддерживающих социал-демократов, была равна 59 %, а поддерживающих коммунистов — 31 %; у «умеренных» ситуация была прямо противоположной — 35 % за социал-демократов и 55 % за коммунистов. Среди тех, кто поддерживает коммунистов, удельный вес считающих себя «центристами» и «умеренными» составил почти половину (47% и 46%), а доля «левых» и «радикалов» равнялась соответственно 11 % и 19 %. Между тем у депутатов, отдающих предпочтение социал-демократам, доля «центристов» и «умеренных» не превысила одну четверть (25 % и 21 %), а доля «левых» и «радикалов» была равна 52 % и 38 %.

Удельный вес «левых радикалов» и «умеренных центристов» среди опрошенных депутатов был одинаково невелик — по 8 %, т. е. по 36 человек. При этом из числа левых радикалов 26 человек (78%) поддерживали социал-демократов и 5 человек (14 %) — коммунистов, тогда как у умеренных центристов этим партиям симпатизировали соответственно 13 человек (36 %) и 24 человека (67 %).

По признаку партийной самоидентификации среди опрошенных депутатов удалось выделить *три крупные и достаточно однородные по своим мировоззренческим характеристикам группы*:

— депутаты, высказавшиеся в поддержку исключительно коммунистов

* Точная формулировка вопроса: «Конечно, всякое деление условно, и все же, к какой из следующих групп Вы ближе по политическим убеждениям? (Отметьте столько вариантов ответов, сколько считаете нужным) — левые, центристы, правые, умеренные, радикалы, не знаю».

- (26 % опрошенных), а также коммунистов и одновременно каких-либо еще партий (15 %) —41 %
- депутаты, ориентирующиеся исключительно на социал-демократов (22 %), а также на социал-демократов и одновременно на какие-либо иные партии, кроме коммунистов (14 %) —36 %
- депутаты, поддержавшие любые партии, кроме коммунистов и социал-демократов (19 %), или не определившие своих партийных ориентации —23 %

Если исказить социально-профессиональную структуру выборки, сделав ее тождественной структуре депутатского корпуса в целом, то удельные веса этих групп будут равны соответственно около 50 %, 30 и 20 %*. Замечу попутно, что доля депутатов, заявивших о своей ориентации на коммунистов, оказалась заметно ниже удельного веса членов КПСС в депутатском корпусе, равного примерно 80 %.

Рассматриваемые три группы заметно различаются по подходам к большинству включенных в исследование проблем. При этом последняя группа практически по всем позициям занимает промежуточное положение между сторонниками социал-демократов и коммунистов, но типологически она все же ближе к социал-демократам.

Различия между «коммунистами» и «социал-демократами» проявляются, в частности, в том, что у первых правые позиции артикулированы заметно слабее, чем у вторых. Кроме того, у «коммунистов» наблюдается (впрочем, весьма неустойчивое) тяготение к авторитарности и плебисцитарной демократии, тогда как у «социал-демократов» чуть более определенно выражена противоположная направленность.

Основные пункты расхождений во взглядах «коммунистов» и «социал-демократов» сведены в таблицу, публикуемую ниже. Как видно из приведенных в ней данных, наиболее ярко разница между этими группами прослеживается в отношении к советскому периоду истории страны.

Так, около 70 % «коммунистов» видят в Октябрьской революции исторически неизбежное, великое прогрессивное событие; между тем 63—65 % «социал-демократов» считают Октябрь исторической случайностью и основной причиной сегодняшнего упадка нашей страны. В качестве средства преодоления нынешнего морального кризиса общества 75 % «коммунистов» назвали нравственность времен Великой Отечественной войны и только 41 % — религиозную нравственность. У «социал-демократов» соотношение голосов было обратным: 70 % за религиозную нравственность и 32 % — за нравственность времен Великой Отечественной войны.

К существенным различиям между «социал-демократами» и «коммунистами» относится и заметно большая идейная оформленность первых по сравнению со вторыми. Из 22 позиций, по которым техника постановки вопросов позволяет оценить относительную устойчивость выбора группы, «социал-

* Среди опрошенных делегатов шахтерского съезда коммунистов поддержали 8 %, социал-демократов — 43, прочие партии — 27, затруднились ответить — 21 %. По данным опроса ВЦИОМ (май 1990 г., N=2500), в условиях многопартийности за коммунистов проголосовали бы 34 % населения СССР (в т. ч. 19 % — за КПСС, 11 — за Демократическую платформу и 4 % — за независимые республиканские компартии); 7% поддержали бы социал-демократов, 27 — прочие партии, 29% затруднились ответить (2, № 27). Согласно опросу жителей Москвы, организованному французской газетой «Либерасьон» (начало 1990 г., N=?), за коммунистов голосовал бы 31% респондентов, а за социал-демократов — 35 % (6). Данные опроса НИЦ при Институте молодежи ЦК ВЛКСМ и Госкомтруде СССР, проведенного среди молодежи Москвы, Курска и Алма-Аты (весна 1990, N=700): за коммунистов отдали бы голоса 37%, за социал-демократов — 4; за другие партии — 19, затруднились ответить — 38 % (7).

демократы» имеют 11 устойчивых позиций, а «коммунисты» только 4*. Без учета вопросов об Октябрьской революции количество устойчивых позиций в этих группах будет равно соответственно 9 и 2.

Эти две относительно устойчивые позиции «коммунистов» — несколько менее выраженная, чем у «социал-демократов», убежденность в естественности социального неравенства и примерно такая же, как у «социал-демократов», уверенность в том, что «человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет». В частности, идею естественности социального неравенства у «коммунистов» поддержали 54 %, а против высказались 14 %; среди «социал-демократов» эти показатели были равны соответственно 71 % и 9 %. Доля требующих безусловного уважения родителей составила у «коммунистов» 58 %, а у «социал-демократов» 55%; удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, был в этих группах равен соответственно 14 % и 16%.

Ядром группы «коммунистов» являются представители партийно-государственной номенклатуры. Их доля в этой группе относительно велика — 25 %**. Однако по большинству вопросов анкеты взгляды номенклатуры как социально-профессиональной группы и взгляды депутатов, заявляющих о поддержке «коммунистов», практически тождественны (см. таблицу). Подобного совпадения точек зрения у сторонников «коммунистов» не наблюдается ни с одной другой социально-профессиональной группой, включая и хозяйственных руководителей. Удельный вес этих руководителей среди ориентирующихся на «коммунистов» равнялся 35 %. Последние, в частности, явно больше, чем «коммунисты», склонны поддерживать частную инициативу и привлечение в страну иностранного капитала: у хозяйственных руководителей за это высказались соответственно 44 % и 52 % опрошенных, а у «коммунистов» — 28 % и 32 %. Заметно сдержаннее «коммунистов» относятся хозяйственники и к Октябрьской революции: великим прогрессивным событием считали ее 42 % хозяйственных руководителей и 72 % «коммунистов», а основной причиной упадка страны — соответственно 32 % и 11 %.

Иными словами, термин «коммунисты» служил центром притяжения депутатов, принадлежащих к различным социальным слоям и профессиям, но обладающих менталитетом, тождественным менталитету партийно-государственной номенклатуры. Точно такую же роль, какую у «коммунистов» имеет «номенклатура», у «социал-демократов» играла интеллигенция***.

С течением времени все очевиднее становится, что перестройка — какой бы словесный грим на нее ни накладывали — представляет собой мучительную попытку страны вернуться в мировую цивилизацию. Очевидно, что успешность подобной попытки не в последнюю очередь зависит от политических настроений, господствующих в высших эшелонах власти.

* Относительно устойчивой я называю здесь позицию, по которой суммарная доля противоречивых и несодержательных ответов оказывается значимо меньше величины «нетто-баланса» противоположных мнений по данной проблеме. В этом случае точка зрения, получившая поддержку большинства группы, сохранится в качестве господствующей и в том случае, если неопределившаяся часть примкнет к точке зрения меньшинства.

** Социально-профессиональная структура группы «коммунистов»: промышленные и сельскохозяйственные рабочие, техники, лаборанты, мастера — 6%; служащие, ИТР — 7; хозяйственные руководители — 35; интеллигенция — 16; военные и работники правоохранительных органов — 11; партийно-государственная номенклатура — 25 %.

*** Социально-профессиональная структура группы «социал-демократов»: промышленные и сельскохозяйственные рабочие, техники, лаборанты, мастера — 6%; служащие, ИТР — 14; хозяйственные руководители — 21; интеллигенция — 41; военные и работники правоохранительных органов — 10; партийно-государственная номенклатура — 9 %.

Таблица

**Различия во взглядах между «коммунистами» и «социал-демократами»,
номенклатурой и интеллигенцией**
(Доля ответов, отражающих соответствующую позицию в % к общему числу ответов
в каждой из групп респондентов)

	Народные депутаты РСФСР				
	Выборка в целом	«комму- нисты»	парт-гос- номенкла- тура	«социал- демо- краты»	интели- генция
	№ = 466	№ = 188	№ = 65	№ = 166	№ = 136
ШКАЛА «ПРАВЫЕ» — «ЛЕВЫЕ»					
— «Правые» ответы	39	30	30	47	45
— «Левые» ответы	16	17	18	16	15
ШКАЛА «АВТОРИТАРНОСТЬ» — «ДЕМОКРАТИЧНОСТЬ»					
— «Авторитарные» ответы	22	26	28	18	18
— «Демократичные» ответы	26	18	19	33	32
ШКАЛА «ПЛЕБИСЦИТАРНАЯ ДЕМОКРА- ТИЯ: СКЛОННОСТЬ/НЕСКЛОННОСТЬ					
— склонность	21	25	29	16	17
— несклонность	25	16	19	32	33
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ					
— частное предпринимательство	53	28	23	77	68
— государственная экономика	14	30	25	2	6
— конкуренция	58	41	51	77	65
— сотрудничество	5	8	11	2	4
— широкое привлечение иностранного капитала	52	32	32	69	60
— сдерживание притока иностранного капитала	21	34	38	10	18
— естественность социального неравенст- ва	64	54	62	71	74
— неестественность социального неравен- ства	10	12	12	9	6
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС					
— единство всех здоровых сил	19	36	37	5	9
— конкуренция между различными тече- ниями и платформами	19	7	11	27	27
ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВА					
— демократия	48	25	28	68	59
— положение сверхдержавы	16	30	31	3	6
ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ					
	32	46	37	19	17
ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ПА- РАДИГМЫ					
— нравственность времен Великой Отече- ственной войны	54	75	71	32	38
— религиозная нравственность	54	41	37	70	65
ОКтябрьская революция					
— великое прогрессивное событие	37	72	65	8	22
— основная причина упадка страны	37	11	12	63	53

Продолжение табл.

	Народные депутаты РСФСР				
	Выборка в целом	«комму- нисты»	парт.-гос. номенкла- тура	«социал- демо- краты»	интел- лиген- ция
	№ = 4 6 6	№ = 1 8 8	№ = 6 5	№ = 1 6 6	№ = 1 3 6
— историческая неизбежность	37	70	68	8	26
— историческая случайность	40	15	22	65	48
РАБОТА СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТА- ТОВ И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА					
— процедурные вопросы не менее важны чем вопросы «по существу»	36	19	22	51	53
— вопросы «по существу» важнее проце- дурных вопросов	29	43	45	13	15

С этой точки зрения результаты описанного выше исследования кажутся мне обнадеживающими. В самом деле, уже на момент опроса политическое сознание депутатов, несмотря на всю его противоречивость и несформированность, обладало чертами той идеологии, которая, по-видимому, только и способна обеспечить последовательную реализацию перестроечных задач. Я говорю о принятии идей конкуренции, частного предпринимательства и экономической открытости страны, об отрицании уравниловки и отказе от имперских амбиций в пользу справедливости и демократии, о слабости авторитаризма и стремлении к национально-культурному возрождению, идущему рука об руку с признанием приоритета общечеловеческой морали, и пр. Не менее важно и то, что по большинству этих позиций депутатский корпус России высказался решительнее, чем общественное мнение федерации, т. е. находился по отношению к последнему в роли реального идейного лидера.

Данные опроса позволяли утверждать, что эволюция взглядов депутатов будет происходить в сторону дальнейшего поправления, сопровождаясь усилением роли «социал-демократов» и ослаблением «коммунистов». В частности, значительно большая неопределенность позиций группы «коммунистов» по сравнению с «социал-демократами» указывала на то, что наиболее интенсивные изменения взглядов будут наблюдаться именно у «коммунистов». Кроме того, наличие среди последних довольно значительного числа депутатов, поддерживавших в момент опроса не только коммунистов, но и другие партии, давало основание полагать, что такие изменения будут сопровождаться отказом от ориентации на «коммунистов» существенной части их тогдашних сторонников. Работа Верховного Совета РСФСР и Внеочередного Съезда народных депутатов республики свидетельствует о том, что все эти тенденции начали реализовываться. Показательным в этом смысле является прошедшее на Внеочередном Съезде голосование по вопросу о частной собственности на землю. Согласно проведенному мной исследованию, в структуре сознания депутатского корпуса отношение к частной собственности играет особую роль. Это одна из пяти позиций, решающим образом влияющих на взгляды по большинству других политических, экономических и социальных вопросов. Поэтому 60 % голосов, собранных так называемой поправкой Шахрая, легализирующей частную собственность на землю, говорят отнюдь не только о предпочтениях депутатов в данной конкретной области. Как мне кажется, результаты голосования означают, что к концу Внеочередного Съезда в депутатском корпусе сложилось большинство, ориентированное на самые серьезные экономические и политические преобразования.

Является ли это большинство устойчивым? Думаю, что да. Во-первых,

очень низкий удельный вес воздержавшихся при голосовании по поправке Шахрая (4 %) говорит о том, что подавляющая часть депутатов, чьи взгляды на частную собственность во время проведения опроса еще не сформировались (а таких насчитывалось 33%), определила свою позицию. Во-вторых, пользуясь данными моего исследования, легко показать, что необходимым условием получения поправкой Шахрая 60 % голосов была ее поддержка со стороны не только подавляющей части «социал-демократов» и депутатов «промежуточной» группы, но и по меньшей мере 20 % депутатов, в момент опроса ориентированных на «коммунистов».

1. «Аргументы и-факты», 1990.
2. «Московские новости», 1990.
3. "The Gallup Report", 1985, December, № 243, p. 26—29.
4. «Известия», 25.11.1990; 9.III.1990.
5. «Правительственный вестник», 1990, № 13.
6. "International Herald Tribune", 22.11.1990.
7. «Литературная газета», 27.VI. 1990.